

ЭМИН И СУМАРОКОВ

Г. А. Гуновский

Явившись в 1763 г. в русскую литературу чужаком, Эмин тем не менее сразу же ввязался в литературную полемику и активно, иногда даже озлобленно принимал участие в боях социально-литературных группировок в течение всей своей короткой писательской деятельности. Дрался он со многими писателями разных групп; но, может быть, наиболее последовательно он боролся с Сумароковым.

Именно Сумароков, вождь и учитель литературы дворянской фронды, был особенно враждебен Эмину, и как дворянский писатель, и как фрондер; именно Сумароков, глава классицизма в России, был главным врагом для него и по линии его художнических, эстетических устремлений.

С другой стороны, и Сумароков, видимо, ненавидел Эмина и готов был уничтожить его при случае.

Литературные и, по всей вероятности, личные столкновения Сумарокова и Эмина начались рано, может быть, еще с той поры, когда Эмин, приехав в Россию, оказался состоящим под покровительством враждебной Сумарокову партии Шуваловых.

Во всяком случае уже 21 сентября 1764 г. Порошин записал в своем дневнике: «Обедал у нас Александр Петрович Сумароков. Его высочество весьма забавлялся, как он описание делал о г. Емине и о его с ним ссоре» (Семен Порошин. Записки, 1844, стр. 4—5).

Еще раньше, в 1763 г., Эмин в первый раз напал на русских поэтов своего времени печатно. В «Приключениях Фемистокла» рассказывается в одном месте о ссоре некоего стихотворца и матроса: «Стихотворец имел кобылу, а матроз роспуски. Когда они имели нужду в дровах, то сошедшись вместе уговорились, чтоб ехать в лес за дровами; у меня, — говорил стихотворец, — есть изрядная кобылка, а у тебя, мой друг, роспуски; поедем вместе в лес; — на что матроз согласился. И так оба сии новые друзья в великом из города выехали дружестве, но случилось, что стихотворцева кобыла была жереба и на дороге родила изрядного жеребенка. Тогда тот, чья была кобыла, весьма тому обрадовался. Но не меньше его веселился и тот, чьи были роспуски; что другой приметя, спрашивал своего товарища: ты чему, мой друг, радуешься? — Я тому радуюсь, — ответил его товарищ, — что небо к моим роспускам дало мне жеребца, вперед не буду иметь в тебе нужды. — А то каким образом быть может! — вскричал вспыльчивый стихо-